

Память сердца

Неотправленные письма

Воспитываться в моральном климате памяти.

(Д.С.Лихачев)

Воспитание памятью Сердца

Отец!

Я тем больше и больше воспаляюсь любовью к Тебе и чувством преклонения перед Твоим образом, чем становлюсь все старше и старше Тебя. Твоим ровесником стал уже мой сын — твой внук — Паата.

Я вхожу в преклонный возраст, а Ты в моей памяти остался таким же молодым, каким был на площадке лестницы, когда мы — мама, четырехлетняя сестренка и я, вся твоя любимая семья, — провожали Тебя на фронт. Был тогда июль-август 1942 года. Спустя три месяца мы получили извещение о твоей гибели. С тех пор, как говорили учителя и близкие, я воспитывался без отца.

Но было ли на самом деле это так, если Ты всегда был для меня опорой, наподобие той, какую соорудил мой дедушка молодым деревцам, чтобы те росли прямыми ввысь, чтобы ветер не изогнул и не сломал их, а неосторожный человек обходил уважительно.

Что такое память об Отце, о таком Отце, каким ты остался для меня и каким я познавал Тебя через людей, знавших Тебя?

Память бывает разная: хорошая и плохая, короткая и долгая. Но есть еще добрая память, память сердца. Это особенная память, она как живое существо внутри тебя. Добрая память, память сердца как бы твой ангел-хранитель, путеводитель, добрый советчик, лестница духа, путь. Она как опора, к которой ты прислоняешься по своей доброй воле, и которая не позволит тебе гнуться, а будет вести вверх. Память эта особенная еще и потому, что со временем она раскрывается в тебе все в новых и новых зовах и заботах любимого человека. И получается, что ты постоянно живешь с ним, кто внутри тебя и никогда не подведет, а поможет в беде, заменит многих воспитателей.

Воспитывался ли я без отца. Отец, если всегда чувствовал Твое присутствие в себе и видел, как память сердца заботилась обо мне?

Мне уже семьдесят лет. Время ли писать о сантиментах. Обращаюсь к своей памяти сердца не для чувств и переживаний, — я их оставляю в

себе, ибо люблю их, — а для постижения простой истины: может ли Отец, ушедший из жизни, когда тебе только исполнилось десять, быть твоим воспитателем и духовным наставником даже тогда, когда ты сам стал отцом и дедушкой?

Моя истина торжествует: «Может, может!»

Вначале, Отец, ты оберегал меня от моих многих шалостей, напоминал о доме, который возложил на меня, уходя на войну: «Ты один останешься в семье мужчиной».

Ты оберегал меня от всего того, что могло сделать меня безнравственным и бездуховным. Я вырослел, вступал в разные уровни жизни, и Ты снова напутствовал меня, как друг. Разумеется, в моем становлении тебе помогали люди, окружавшие меня, помогала мама, Твоя жена-красавица, которая не поверила извещению и ждала Тебя до последнего вздоха.

В дальнейшем я начал черпать из памяти сердца мудрость заботы истинного Отца и наполнялся этим негасимым чувством к своим детям и внукам.

Что бы Ты мог оставить мне в наследство такое, что было бы дороже памяти о Тебе? Память сердца граничит с совестью. Вот и живу я по совести, потому что Ты остался во мне как чистая совесть. «Какой был у тебя отец... честный, добрый!» — говорили мне люди, знающие Тебя. Тем самым они как бы давали мне наказ: «Если не сможешь превзойти Отца, то хотя бы будь таким, каким Он был».

Я утверждаю: есть такой чудодейственный закон — Закон воспитания памятью сердца. Уверен, согласятся со мной очень многие, переживающие и переживающие в себе силу той же самой истины. И если это так, то отсюда и задача для каждого взрослого, называющего себя отцом, перед ребенком.

Связь с Надземным

Отец!

Я по крупицам собираю в себе все, что связано с моими живыми воспоминаниями о Тебе, и хочу проследить, что с ними в дальнейшем происходит. Я не стал дипломатом, как Ты этого хотел; судьба привела меня к учительской жизни, и я рад этому. Почему свои воспоминания я познаю с точки зрения педагога и стараюсь разобраться, как преобразились они в памяти сердца и приобрели воспитательную силу.

Мне было 10 лет, когда Ты ушел на фронт. Образы, которые запечатлелись во мне до того, не были плодами Твоих воспитательных

усилий, ибо Ты, Отец, никогда не воспитывал меня с помощью каких-либо специальных педагогических мер.

Мне было хорошо и радостно с Тобой. После школы бегал к Тебе на работу в типографию, смотрел, как Ты выпускал газету. Мы вместе обедали в рабочей столовой. Я готовил уроки в Твоем кабинете. Мы часто гуляли по проспекту Руставели, и Ты покупал мне французские булочки с сосисками. Все это не было воспитанием, а была сама жизнь. Твоя забота уравнивала мои импульсивные поступки и направляла мои мысли. В этой самой жизни и выпитывал я Тебя, Отец, но помню не всю ее последовательность, а некие фрагменты.

А потом Ты погиб.

Не знаю, нужно ли связывать память сердца только с ушедшим из жизни человеком. Но для меня это именно так.

Однако такая память родилась во мне сразу.

Вначале в моем воображении подростка то и дело мелькали отдельные картины общения с Тобой, моя мысль часто обращалась к воспоминаниям о Тебе. Ты приходил ко мне во мне. И получалось, что мы продолжали нашу жизнь, но уже в мире духовном. Ты продолжал направлять мои поступки и мысли. Память о Тебе становилась для меня бесценной. Впечатления впечатлениям рознь. Впечатления о Тебе, Отец, которые сохранились в моей памяти, имели особое свойство. Они не рассеивались и не блекли, не навязывались моему внутреннему миру, не требовали от меня, чтобы я с горечью вспоминал Тебя. Они навещали меня, чтобы нежно приласкать, подбодрить и помочь. Они стремились вырваться из прошлого и поселиться в моем будущем.

Происходило еще что-то необычное: то или иное впечатление, по мере моего взросления, вдруг приобретало особый смысл и раскрылось передо мной со своим подтекстом.

Вот пример тому.

В нашей кухне горела керосиновая лампа. Я, пяти-шестилетний шалун, скрутил бумагу, как скатывали тогда вручную папиросу, и прикурил от лампы. Ты был некурящим. От кого я брал пример, не помню. «Пап, смотри!» — сказал я весело, глотнул дым и закашлял. Может быть, ожидал, что Ты восхитишься моим умением. Но Ты рассердился не на шутку. «Не смей впредь делать такое!» — сказал грозно. Я заплакал, не ожидал от Тебя суровости. А Ты не приласкал меня, не успокоил. Обида осталась во мне.

Шли годы. Я стал студентом. И первое, что сделал — купил пачку сигарет и начал курить, ибо курили все, и мне надо было показать, что я не мамин сынок, я самостоятельный! В курилке спрашивает меня мой однокурсник, демобилизованный подводник, с протезом на правой ноге:

«Отец твой курил?» «Нет», — отвечаю. С быстротой молнии скрутил он мне руку, мои дорогие сигареты сбросил в унитаз и пригрозил: «Увижу тебя с сигаретой, изобью своей деревянной ногой... Запомни...»

«Случай» этот придал власть Твоему возмущению в нашей маленькой кухне. Тогдашняя моя «обида» озвучила Твой зов: «Сынок, заклинаю тебя, не пристрастись к курению!» И как не провоцировало меня в жизни окружение, я выстоял. А потом поискал педагогику, чтобы уберечь своих детей от этой губительной привычки, уберечь своих учеников в школе.

Впечатления о Тебе, Отец, со временем начинали сливаться друг с другом, какая-то внутренняя сила втягивала их в единое целое. И наконец я открыл в себе память сердца о Тебе. Исчезли сумма впечатлений и воспоминаний, исчезли фрагменты жизни. Память о Тебе из прошлого перешла в будущее.

Что есть память сердца?

Для меня она есть Твоя, Отец, светлая, живая сущность, светлая, живая сущность Матери, Бабушки, Дедушки. В своем духовном мире я продолжаю жить с вами, люблю вас больше, чем когда-либо, прислушиваюсь к вашему голосу, делюсь с вами своими переживаниями.

«Память сердца, как жизнь, — говорит мне моя личная истина, — она твоя связь и сотрудничество с Миром Надземным, Высшим, Многомерным, или, как учил Иисус Христос, с Царством Небесным».

Совесть

Отец!

Мне рассказывали, как Ты покинул отцовский дом, потому что...

Впрочем, это неважно.

Ты стал рабочим типографии и вступил в партию безо всякой корысти — это была твоя искренняя вера, не фанатичная, а святая. Она и увела Тебя добровольцем на фронт.

Вспоминаю одну историю и хочу заглянуть в душу твою.

Дома у нас было много книг. Ты сам набирал и печатал их, и каждую новую книгу приносил домой. Мама тоже любила покупать книги.

Однажды вечером вы с мамой перетасили все эти книги в нашу маленькую кухню, где стояла у нас настоящая кирпичная русская печь. Я тоже помогал Вам переносить книги. Мне было тогда примерно шесть-семь лет, я еще не ходил в школу. Стоял тридцать седьмой или тридцать восьмой год.

Ты, Отец, брал каждую книгу, перелистывал ее, а потом бросал в горящую печь. Ты бросил туда даже несколько толстых книг в классном переплете. Русская печь гудела, в маленькой кухне было жарко.

Мама отложила в сторонку несколько книг с обложками другого цвета.

«Не будем жечь эти книги, прошу тебя!» — сказала она.

Ты взглянул на книги и тихо произнес: «Маро, опасно иметь их дома!»

«Они же хорошие!» — настаивала мама.

«Тогда, может быть, спрячем в надежном месте?» — сказал Ты полушепотом.

Я помог маме положить книги в мешок и уложить их в тахту. Сверху мама накрыла их подушками и одеялами.

После этого прошло несколько дней, и однажды, в твое отсутствие, к нам пришли «гости», по-моему, из партийного комитета издательства «Коммунист», где Ты работал.

«Нам поручено посмотреть вашу библиотеку, — сказали они, — наши рабочие коммунисты должны много читать, иметь дома хорошие книги».

Они мило улыбались, приласкали меня. Потом открыли книжный шкаф, на полках которого лежало всего два десятка книг.

«Это все?» — удивились они.

«Часть книг мы сожгли», — отозвалась мама.

«Почему? Какие?» — еще больше «удивились» они.

Мама назвала несколько книг и добавила, что не помнит все.

«Хорошо сделали!» — сказали они и обратились ко мне: «Какой ты большой мальчик, наверное, тоже помогал родителям сжигать плохие книги?»

«Нет, — солгал я, — я спал».

«А ты не знаешь, может быть, где-то дома лежат книги, которые родители не успели проверить?»

«Нет, — ответил я, — дома уже нет книг, кроме этих».

«Умница, — сказали они мне, — слушайся родителей», и ушли.

Мама закрыла за ними дверь. Потом мигом схватила меня, прижала к себе, поцелуями и заплакала. Сердце ее вырывалось из груди.

Может быть, думаю я, не надо требовать от детей, чтобы они всегда и всем говорили только правду, никогда и никому не лгали? Может быть, надо было сказать этим дядям о мешке, который в тахте?

Но я солгал, и, как и сейчас убежден, это было торжество педагогики сердца моих родителей.

От вас, Отец, о спрятанных книгах я не слышал больше ни слова.

Я знал, что мешок исчез. Потом Ты ушел на войну и вскоре погиб. У мамы было много забот в те тяжелые годы. Я чувствовал, что вспоминать о мешке нельзя, и тоже забыл о нем.

Летние каникулы, как правило, я проводил в деревне у бабушки и дедушки. Любил много читать, и почти перечитал все книги, которые только имелись у нас и у соседей.

Но однажды бабушка сказала мне: «Сынок, загляни в кувшин, там должны быть книги твоего отца».

Было это в 1946 или в 1947 году. Кувшин предназначался для хранения вина и, по грузинскому обычаю, был по горло зарыт в землю в дедушкином амбаре. Сверху его покрывали плоским круглым камнем и притаптывали землей.

Мне пришлось искать место, где был зарыт кувшин.

Знала ли бабушка, какую опасную взрывчатку я достал из кувшина? Нет, не знала. Зато я сразу вспомнил об исчезнувшем мешке.

О чем Ты, Отец, тогда думал, когда с твоего молчаливого согласия мама переправила эти книги своим родителям? Было же велено Тебе, коммунисту, уничтожить их? Неужели Ты не мог предвидеть, что когда-нибудь книги эти достанутся мне, Твоему сыну?

В тот год я вернулся в школу другим человеком: я прочитал все романы Михаила Джавахишвили и Григория Робакидзе, стихи Паоло Иашвили и Тициана Табидзе, и еще много других книг. Я стал владельцем сокровищ.

Но мог ли я кому-либо сказать об этом, показать книги? Только любимой учительнице Варо Вардиашвили? Ты думаешь, Отец, она наложила запрет на эти запрещенные книги? Нет! Она дала мне понять, что я имею духовный источник, но надо молчать.

И я молчал, перечитывал книги и молчал. В моем духовном мире образовалась засекреченная часть, и она питала мою нравственность,

мои отношения. Я воспитывался не столько книгами, сколько той мыслью, что Твоя совесть стала частью моей совести.

И настал час испытаний. Я, тоже член партии, вступивший в нее сразу после смерти вождя, с искренней верой, что укрепляю могущество Великой Страны, — я, народный депутат и член Верховного Совета, в один из последних дней 1990 года нажимаю на кнопку голосования: быть или не быть шестой статье в Конституции СССР. А статья эта узаконивала нераздельную власть партии.

«Не голосуй против, Шалва, — уговаривал меня рядом сидящий коллега, — партия еще наберет силу...»

Но я, Отец, посоветовался тогда только с Тобой и «услышал» твой тихий голос, такой же, какой запомнился мне с тех далеких времен у нашей русской печки: «Сынок, — шепнул Ты мне, члену Верховного Совета, — совесть выше всяких партий, всяких верований. Действуй по совести».

И указательный палец моей правой руки с удвоенной силой, ибо от имени двоих, нажал на кнопку.

Язык пламени свечей

Отец!

Тебе не выпало счастье быть дедушкой, но тем не менее Ты помогаешь мне быть им. У меня их пять внуков и внучек. Нинца — старшая среди них, ей уже четырнадцать лет. Затем идут Александр, Мариам, Михаил, Анна.

В воспитании внуков тайну составляет умение говорить с ними, говорить от сердца к сердцу, когда слова уступают место ласкам, когда они превращаются в молитву.

Дети как дети: они шалят, проявляют свой нрав и волю, требуют свободы. Что нужно дедушке, чтобы найти общий язык со своими внучатами? Не просто умение, а еще что-то более важное, что озаряет умение говорить?

Что это такое?

Вот что я записал в своем дневнике от 22 апреля 1992 года.

Мне тогда захотелось поговорить с Тобой и с Мамой. Зажег я свечи, поставил подсвечники на письменный стол рядом друг с другом и начал писать.

В это время дверь комнаты осторожно приоткрывается и с лукавой улыбкой входит моя первая внучка, а для Тебя — первая правнучка

Нинца. Сколько ни говори ей: не мешай дедушке работать, как только улавливает момент, мгновенно крадется ко мне. Так и сейчас. А дальше, Отец, вот такая запись сохранилась у меня в дневнике.

— Дедуля, только одну минутку, хорошо?

Я, откладывая ручку, поднимаю голову и улыбаюсь.

— Где ты была столько времени? Я же тебя жду.

— О-о-очень прошу, посади меня на стол!

— Давай, только бумагу не помни.

— Одна свечка для прабабули, а вторая кому?

— Вторая — моему Отцу, твоему прадедушке.

— А где прадедушка, я его не знаю.

— Его давно нет в живых, погиб на войне.

— Прабабуля плакала?

— Плакала, конечно, я плакал.

— Сейчас прадедушка и прабабушка там вместе?

— Да... Смотри, как они разговаривают друг с другом...

— А как они разговаривают?

— Языком пламени... Видишь, пламени свечей играют!

— Языком пламени... красивый язык... О чем они разговаривают?

— А ты, смотри и прислушивайся.

— Прабабушка говорит дедушке обо мне... Так?

— Думаю, так...

— Что я хорошая девочка, да? Что я знаю много стихов...

— Помнишь, как любила тебя прабабушка? А прадедушка смотрит на тебя и шепчет: «Какая у меня красавица пра-пра-правнучка!»

— Почему три раза?

- Смотри. Этот твой палец — прадедушка, мой отец... Это я — его сын, твой дедушка.... Это Пата — мой сын, твой отец... Это ты — дочь Паты, моя внучка...
- Да, три раза пра-пра-пра... Что это за конверты? Можно взять?
- Бери. Там письмо. От кого?
- Его мой отец послал мне, с дороги на фронт.
- Какое старое письмо...
- Ему ровно пятьдесят лет... Я был тогда на шесть лет старше тебя.
- Пять и шесть — одиннадцать. Прочти, пожалуйста.
- Слушай. «Привет, мой мальчик! Как твои дела? Я соскучился по вам. Ты один мужчина в семье, присмотри за женщинами... Обо мне не грусти. Целую».
- Почему «не грусти»?
- Мой папа успокаивал меня: вот победим фашистов и вернусь...
- Кто были фашисты?
- Они хотели завоевать нашу страну и начали войну.
- А что на войне?
- Не знаешь, что такое война?
- Видела по телевизору: бомбы взрываются, дома рушатся и люди умирают... Что случилось с прадедушкой? Пуля в него попала? В сердце?
- Когда человек умирает на войне, говорят — погиб... Мой отец погиб... Потому у тебя нет прадедушки.
- Жалко мне прадедушку... плакать хочется...
- Дай сотру слезинки... Не надо плакать... Лучше приласкай его свечу и скажи что-то доброе.
- Можно, стихотворение скажу?.. О розе... Руставели... «Розу как-то вопрошали: ты красива, стан хорош»... Ну, как?
- Видишь, мы втроем хлопаем тебе... Но пора спать...
- Что ты делаешь, когда один в комнате? Разговариваешь с ними?

— А как же...

— Но я прислушивалась за дверь, ты не разговаривал.

— Я слушаю их и пишу... вот так...

— Поняла, ты разговариваешь с ними языком пламени свечей... мысленно разговариваешь... Спокойной ночи!

— Дай мне поцеловать тебя за себя и за них!..

А теперь, Отец, об этом очень важном, что озаряет умение бабушки говорить с внучатами: если бабушка хранит в душе своей ангелов, — какими являетесь для меня Вы, — Отец и Мать, — то в нем обязательно родится язык пламени свечей, которым уже владеют дети и который есть тропинка к их сердцу.

Сердце Истины

Мама!

В душе своей преклоняюсь я преданно перед Величием Бога и перед Божественностью Сердца Матери.

Кто видел своего живого Ангела Хранителя?

Для меня им была Ты, Мама! Ты вела меня к успехам и спасала от падений. Сердце твое всегда чувствовало меня независимо от расстояний.

Будучи аспирантом, поехал я работать в пионерский лагерь и там заболел. Два дня мучили меня непонятные и невыносимые боли, а на третий — приехала Ты и немедленно забрала. Месяц боролась Ты против смерти и победила. «Откуда узнала, Мама, что я болен?» — спрашивал я потом. — «Сынок, видела сон, как ты мучаешься».

В детстве Ты была для меня надеждой и оберегала от дурного глаза. В юношеские годы стала стержнем для моей нравственности. В возрасте расцвета сил охраняла мою духовность и звала на подвиг. Но теперь, в моем преклонном возрасте, Ты, ушедшая из жизни, укрепляешь во мне веру.

Ты не сделала из меня маменькиного сынка. Нужно было — отправляла меня на испытание судьбой. Нужно было — благословляла мои отчаянные прыжки над бездною жизни. А нужно было — обуздывала мои неуравновешенные страсти. Ты всегда настраивала мое сердце на добро и справедливость.

Но Ты осталась для меня загадкой: не помню случая, чтобы Ты занималась моим воспитанием.

Увлечшись педагогикой и штудирюя горы книг, я то и дело приставал к тебе с вопросом и задавал его на «языке науки», вроде:

— Мама, скажи, как Ты воспитывала нас с сестрой? Какие были у Тебя цели, методы, принципы?

Ты всегда уходила от ответа, но однажды не выдержала.

— Как я воспитывала? Никак не воспитывала. Жизнь воспитала вас... Не было у меня ни цели, ни твоих принципов... Была жизнь... Не спрашивай об этом больше...

На этом закончилось «обобщение опыта».

Но спустя десятилетия я осознал, что имею свой первоисточник о тайне воспитания. Он не в библиотеках, не в профессиональных лекциях, а во мне, он мой внутренний классик педагогики. Теперь я знаю, где гнездится Истина воспитания: она в Сердце Матери. Может быть, пригодится мой совет кому-либо из молодых искателей педагогических ценностей: милые мои, поспешите познать Сердце ваших матерей, там вам откроется тайна, которая сообщается только «на ухо», что и есть настоящая наука о воспитании.

Вернулся я однажды домой к утру. Был студентом, работал в школе. Загулял молодой человек и забыл о времени, забыл о маме и сестре. Они, наверное, спят. Осторожно открываю дверь, чтобы не разбудить вас. Но Ты, Мама, сидишь на стульчике у двери и штопаешь мои носки. Увидев меня, ты облегченно вздыхаешь.

— Мама, почему Ты тут сидишь?

— Жду тебя... — сказала Ты безо всякого укора.

— Почему ждала, Мама, я же не маленький? Почему не легла?

И Ты преподавала мне урок жизни, урок классической педагогической мудрости. Урок этот я осваиваю до сих пор.

— Ты не поймешь, сынок, почему я жду тебя, пока не будет у тебя своих детей...

Так и случилось. Родились у меня дети, и я понял суть, смысл, «предмет» педагогики: это есть забота взрослого о Ребенке, о раскрытии в нем того Образа, который дан ему от Бога, и который может возвести его до божественного благородства. Мамы, многие мамы, чувствуют этот великолепный путь своих дочерей и сыновей и потому всем своим существом, — мыслями, волнениями, тревогами и надеждами охраняют

каждый шаг своих порой непутевых детей. Вот в чем тайна Материнского Сердца, тайна Божественной Педагогике.

Ты, Мама, навела меня тогда, ожидая у двери, еще на одно открытие, которое постиг я спустя десятилетия; открытие о том, кому и как дается педагогическая Истина. Она дается человеку по мере того, как он сам зреет для ее постижения, как его сущность воспринимает в себе заботу и тревогу о судьбе Ребенка.

Потому можно спросить у искателя Истины, — будь он матерью или отцом, учителем или воспитателем: «Имеешь Сердце? Тогда будет открыта тебе педагогическая Истина. Нет у тебя Сердца? Тогда не жди разгадки Истины, ибо только Сердце способно направить интуицию на сокровенное».

Мама!

Ты ушла из жизни так, что я, будучи вдали от Тебя, не смог еще раз взглянуться в Твои мудрые и усталые глаза. Ты ждала меня, но я опоздал.

Сегодня, когда я пишу эти строки, Прощеное воскресенье. В семье мы все простили друг другу всякие обиды, и миру прибавился мир. Мне нечего что-либо простить Тебе, святому для меня Человеку. В Твоем прощении я сам нуждаюсь. «Мама, Свет Ты мой, прости меня, пожалуйста, прости за мои прегрешения перед Тобой, прости за боль, которую причинял я Твоему Божественному Сердцу, ибо не знал, что творил...»

Ты слышишь мой голос, Мама?

Учиться Любви

Мама!

Когда кто-либо неосторожно спрашивал о Твоем образовании, Ты краснела, как провинившаяся перед целым миром. Какое, в действительности, было у Тебя образование? В том смысле, как это прекрасное слово применяется в наши дни, получается, что у Тебя было только начальное образование. Закончив сельскую школу, ты вышла замуж, и молодой парень привез девушку в большой город, и вы с «нуля» начали строить свою жизнь. Условия не позволили Тебе учиться дальше. Выходит, Ты так и осталась необразованная? Смотря, что вкладывается в слово «образование» — сумма неких официальных знаний того или иного уровня, или нечто большее. Бог создал человека по образу и подобию Самого Себя, говорят святые источники. И потому истинное образование есть суть удивительный процесс раскрытия в человеке Образа Творца. Ты, Мама, имела это образование, самое высшее, и сеяла его плоды на благо ближним.

Чему я научился и учусь до сих пор у Тебя?

Любви, Мама, Любви!

У нас дома не было Нового Завета, негде было достать и нельзя было иметь. Ты редко говорила о Боге, чтобы не вторгаться в наш школьный атеизм. Мы не знали о Великом Гимне Святого Писания. Но всю нашу жизнь, Мама, Ты вела по законам Любви. Ты не читала, но Ты знала: «Любовь долготерпит, милосердствует, не ищет своего, не мыслит зла, не завидует, не превозносится, не гордится, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Было, конечно, очень трудно жить в те сложные военные и послевоенные времена в духе Великой Любви, но Ты не допускала отклонения от него. И сейчас тоже, в начале Нового Века и Нового Тысячелетия не менее сложно соблюсти законы Любви, но Ты сделала их нормами моей жизни.

Вокруг Тебя создавалось мощное пространство ненавязчивой доброй Любви, находясь в котором, люди, молодые и немолодые, чувствовали себя хорошо, для них всех Ты была родным человеком, воспитателем, наставником, убежищем.

Бывает, когда на моих семинарах молодые мамы просят назвать им главные методы семейного воспитания. И как Ты думаешь, Мама, откуда я черпаю ответ на этот вопрос?

Однажды, без твоего ведома, я взял деньги (не хочу сказать «украл», ибо Ты не допускала такого понятия в семье) из твоих скудных сбережений и купил пневматическое ружье.

— Откуда у тебя это ружье?

А я соврал Тебе:

— Одолжил у своего одноклассника!

Твое Мудрое Сердце, конечно, знало все. Но Ты, Мама, как будто ничего и не случилось, спокойно сказала мне, ученику шестого класса:

— Сынок, хватит войны, она уже принесла нам горе. Отнеси ружье обратно хозяину.

Мой друг своим глазам не верил, когда я дарил ему ружье, но потом оба решили, что лучше отдать его учителю физкультуры.

Почему не разоблачила меня, Мама, почему не опозорила, не пристыдила? Могла ведь хоть шепнуть мне, что я совершил недостойный поступок, и дать наставления на будущее?

Вот причина, по которой Ты стала для меня классиком педагогики Сердца: уличить, опозорить, пристыдить Ребенка за проступки — это то же самое, что убить в нем совесть. Ты сохранила во мне набат совести на всю жизнь.

И что же мне сказать молодым мамам, которые хотят узнать от меня о главных методах воспитания своих детей? Они и так знают науку «кнута и пряника». Эта наука чужда мне, ты не воспитала меня так. Твою науку я познал спустя годы, и она гласит: всякие главные и неглавные методы воспитания, самовоспитания в целом рождаются в Великой Любви Сердца Матери, в той Любви, которая долготерпит, милосердствует, всему верит, всего надеется, все переносит, не мыслит зла и раздражения. Если любить Ребенка так, то воспитание превратится в саму жизнь.

Ты, Мама, проявила еще более утонченную, скрытую Любовь к Отцу.

Я не забуду Твой плач, когда рано утром на лестничной площадке мы, — Ты и я (десятилетний мальчик), — провожали Отца на фронт. Мы плакали, обнимали Отца, Он успокаивал нас: «Скоро вернусь». А спустя несколько месяцев мы плакали еще сильнее, когда получили извещение: «пропал без вести».

Ты не поверила извещению, не поверила очевидцам, которые писали нам, как похоронили Отца в братской могиле где-то в Крыму. Ты оставила Отца живым в Своем Сердце.

И когда меня, уже члена Верховного Совета, направили в Западную Германию для чтения лекций о перестройке, Ты позвонила мне в Москву:

— Сынок, — сказала ты, — твоя фамилия, наверное, появится в газетах. Там же будут грузины? Если какой-нибудь грузин-однофамилец придет к тебе, поговори с ним, узнай все...

Что Ты хотела, чтобы я узнал?

Значит, Ты все 45 лет вынашивала надежду, что Отец жив, пусть даже судьба забросила его к немцам, пусть у него уже другая семья, дети. Но лишь бы жила Любовь. Ты не говорила с нами о своих чувствах к Отцу, но готовила ему подарок и очень хотела, чтобы он порадовался ему. А подарками были мы — я и моя сестра — «хорошо воспитанные дети». Вот Твоя цель воспитания, в ней было торжество жертвенной Любви.

Недавно ездил я в Севастополь для встречи с учителями. Какие милые люди эти учителя! Узнав о том, что мой Отец, возможно, похоронен где-то в Крыму в братской могиле, они, спустя всего два дня, сообщили мне: да, есть такой поселок Глазовка, где на гранитных плитах, среди нескольких сотен погибших, значится фамилия «Амонашвили Александр Дмитриевич, погиб в 1942 году».

Если бы Ты была жива, Мама, я не сообщил бы Тебе об этом, зная, что Любовь Твоя не переставала надеяться.

Момент Истины

Милая, любимая моя Дейда Варо!

«Дейда» в переводе с грузинского означает «сестра матери» (тетя). Так звали Вас ученики, так обращались к Вам даже коллеги. В этом кем-то придуманном прозвище в тяжелые годы войны заключалась тайна о том, какой заботливой любовью Вы любили учеников и какой почтительной любовью они откликались.

Вы пришли в мою жизнь тогда, когда, может быть, свершалась моя судьба. Это был 1944 год. Говорю о судьбе, которую, спустя десятилетия, открывал я в себе по частям. А сегодня, в начале двадцать первого века, я постигаю Вас как свою педагогическую совесть.

В то далекое, более чем полувековой давности, время, я воспринимал своих учителей как ополченных на меня людей. Отец погиб на войне, меня с младшей сестрой воспитывала больная мать. А я, видите ли, не мог «оправдать» надежды погибшего отца и больной матери: мои старания в учении не увенчались успехом, и учителя, — по физике, химии, математике, русскому, английскому и даже родному языку, — взвешивая мои знания на аптечных весах, выдавали мне только двойки с усмешкой, угрозой, с чувством жалости. Были бы тогда классы для выравнивания, я уверен, любой из моих учителей освободился бы от меня.

Но вот пришли вы. И после 2–3 уроков меня, мальчика седьмого класса, подзываете к себе и говорите шепотом: «Бичо (т. е. мальчик), у тебя же дар поэта! Пиши стихи!»

Спустя пару недель Вы опять зовете меня к себе, просите донести стопку тетрадей до учительской и, оказавшись со мной наедине, говорите: «Бичо, какое хорошее у тебя получилось сочинение! Ты можешь подарить его мне?»

Так прошло еще несколько месяцев. И однажды, когда мы в классе выполняли письменное задание, Вы незаметно подошли ко мне, наклонились и шепнули на ухо: «Бичо, мои пятерки краснеют рядом с двойками! Как быть?»

Мне запомнилось все: вибрация Вашего голоса, Ваше озабоченное лицо, Ваши глаза, в которых любовь поглощала слезы. Запомнилось мне Ваше скромное элегантное платье с фамильной брошью и теплота Вашей ладони на моей голове, запомнилась прядь снежных волос, запах которых ласкал меня.

Это был в моей жизни Момент Истины, когда все мое нутро, вся моя сущность были взорваны, дабы высвободить энергию духа.

Однако разгадать мудрость творения педагогического Момента Истины, когда воспитателю, учителю все подвластно, когда даже его взгляд наделяется силою свершения чуда в жизни растущего человека, я до сих пор не в состоянии.

То и дело закрываю глаза и в своем воображении переживаю все заново: сижу за своей партией, выполняю задание, вы незаметно подходите ко мне и шепчете: «Мальчик, мои пятерки краснеют рядом с двойками! Как быть?»

Ваш до боли взволнованный голос, Ваша прядь снежных волос, теплота Вашей ладони, взрыв в моем внутреннем мире...

Но тайна Момента Истины остается тайной!

Может быть, это и есть интуиция, Божественная педагогика, педагогическая искра Божия, Божий дар? И кому дается Искра эта: только избранным или всем?

Вас уже давно нет в живых, любимый мой человек, но я все хожу по вашим тропам и ищу разгадку той Святой минуты, названной мною Моментом Педагогической Истины, когда благой учитель свершает ЧУДО.

Где эта тайна: во мне или вне меня?

И как она выглядит: как Высшая Божественная Мудрость или как обычная «технология»?

Вера

Добрый мой Учитель, Дейда Варо!

Как много хорошему Вы научили меня!

Пришел я к Вам с другом вместе, тоже Вашим учеником, хотели поздравить Вас с наступающим Новым Годом.

Вы нас угостили сладостями и, перед тем, как нам уйти, сказали:

— А вы подумали о том, что оставляете уходящему году и что не забудете взять с собой в Новый Год?

— Как это? — удивились мы оба.

— Жизнь — это странствие, чтобы облагораживать себя. Зачем брать в долгую дорогу то, что будет мешать. И зачем пускаться в путь, если нечего искать!

Мы смотрели на Вас вопросительно.

— Сделайте так, — сказали Вы, — берите лист бумаги и запишите на нем, от чего вам надо избавиться и что надо приобрести. В течение года держите вашу запись при себе и следите, чтобы выполнить. Ты, наверное, отдашь уходящему году последние папиросы... — обратились Вы к моему другу, и он покраснел до ушей. — А тебе, думаю, захочется усилить твои литературные познания...

После того памятного дня прошло более полвека. До сих пор не бросаю это занятие перед наступающим Новым Годом: благодарю уходящий год за подаренные мне 365 дней жизни и оставляю ему мои пороки. А в Новый Год вхожу с новыми намерениями, мыслями и делами.

Я убедился, что время действительно условное понятие; от нас зависит, ускорить или замедлить его ход, или вообще приостановить. Скажите, что означает время, в котором нет смысла жизни, и каким оно становится, если наполняется устремлением?

Так дожил я до сегодняшнего дня, и годы превратились для меня в аккорды жизни.

Вот и на этот раз сижу и размышляю.

Судьба делает мне подарок: становлюсь участником наступления необычного Нового Года, который вводит человечество заодно и в XXI век, и в Третье Тысячелетие.

Не стану разглашать все сокровенное моих предновогодних записей, но скажу вслух о том, ради чего стоит мне жить и любить Жизнь. Это есть заповеди, которые задаю самому себе.

Вхожу в Новый — 2001 год, в Новый — XXI век, в Новое — Третье Тысячелетие с Верою в Творца и Верою в то, что Педагогика, которой я служу, есть промысел Создателя, и потому я, как и любой учитель, есть «соротник у Бога».

Каждого, кто меня окружает и будет окружать, считаю Учителем своим. Я — ученик своих учеников.

Исключаю из своего сознания понятие «враг» в отношении и Прошлого, и Настоящего, и Будущего. Если кто сам сделается для меня таким, прощаю. Если кто примет меня таким, пусть простит милосердно, если сможет, ибо не знал, что творил.

Давно я сжег в себе зависть и ненависть. Сожгу теперь все остатки раздражения и неприязни. Даю торжествовать в сердце моем любви и умиротворению.

Вхожу в Будущее со своим видением Ребенка: если Вселенная действительно беспредельна, а Природа не имеет исчисления в своем творчестве, то Ребенок — единственная модель Вселенной и Природы.

Буду ценить и уважать свободную мысль любого и буду беречь свою свободную жизнь.

Буду жить по зову вековой мудрости: утверждающий богат, отрицающий беден.

Берите, люди добрые, если желаете, дары моего духа. И скажу сердечное «спасибо» каждому, кто улыбнется мне.

Ну как, мой Дорогой Учитель, приняли Вы меня таким в Наступающую Эпоху Духа и Сердца.

Слезы познания

Удивительный мой Учитель, Дейда Варо!

Как любили мы Сандрика, сына великого режиссера Сандро Ахметели. Родителей репрессировали, и он не знал, где они и живы ли. Вы, наверное, смотрели в театре им. Руставели постановки Ахметели и потому воспринимали сына «врага народа» через его горе.

Сандрик умел читать выразительно, артистично. И когда надо было читать в классе вслух какое-либо литературное произведение, Вы, как правило, поручали это ему. Мы слушали, затаив дыхание, а Вы в это время выбирали место у окна и тоже забывали об уроке.

Но вот пришел он однажды и предложил почитать стихи. «Читай!» — сказали Вы. Он достал из-под парты маленькую книжку в темном переплете и начал читать. Был 1947 год, а стихи были Тициана Табидзе, запрещенные, ибо поэт считался «врагом народа».

Мы тогда всего этого не знали, но Вы же знали!.. Вы стояли у окна и слушали чтение стихов поэта тончайшей души. В классе витали радость, потом — грусть, потом — восхищение, потом — сожаление, потом...

И Вы, мой любимый Учитель, вдруг заплакали. Мы все видели, — а Вы и не скрывали, — как текли слезы по Вашим щекам. Вы утирали их кружевным платком, но слезам не было конца.

Только Сандрик не видел ничего, он весь был в поэзии и увлекал нас туда же. Слезы катились из наших глаз.

Урок в слезах, слезы в стихах, стихи в слезах...

Слезы омывали наши души и сердца.

Теперь, спустя более чем полувека, когда я вспоминаю наши уроки литературы, хочется задать Вам вопросы, чтобы разгадать Вашу тайну: почему мы на уроках больше читали, чем пересказывали «своими словами» прочитанное? Почему больше размышляли по поводу прочитанного, нежели отвечали на Ваши вопросы? Почему вы отпускали нас скорее озабоченными, чем выполнившими свой долг учениками? Почему время от времени мы видели слезы на ваших глазах и заставляли нас тоже расчувствоваться?

Знаете, чем для меня стала художественная литература?

Она для меня — путь поиска собственной судьбы, путь познания жизни. Я умею выбирать книги — одни читаю с упоением, другие — даже не хочу брать в руки. В каждой книге ищу подтекст, смысл. Сердце мое плачет, а глаза не сдерживают слез, когда жизнь героев складывается трагично. И все это от Вас, от Ваших уроков познания жизни через литературу.

У нас и потом, после того памятного урока, не раз увлажнялся взор. Мы плакали и тогда, когда ушел из жизни Сандрик — он попал под колеса трамвая, спеша к людям, которые привезли весть, что его мама жива. Счастье принесло несчастье. Слезы на уроках, как в жизни. Также и радость на уроках, как в жизни. В общем, чувства на уроках литературы, как в жизни. Но говорю о слезах потому, что никто не учит молодых познавать себя и жизнь через глубокие переживания, через слезы.

Слезы укрепляют дух, в слезах зреет душа, облагораживается сердце. Конечно, речь идет о таких, а не о всяких слезах и чувствах, которые рождались у нас на Ваших уроках литературы, когда вы сами не стыдились проявлять свои чувства перед учениками.

Милый мой Учитель! Ну почему же вы не написали книгу о педагогике слез?

Подвиг

Учитель мой на всю мою жизнь, Дейда Варо! При каждой встрече с учителями меня постоянно спрашивают об источниках моих педагогических взглядов. «Скажите, — говорят коллеги, — что нам читать?» И я называю книги, которые можно приобрести в книжных магазинах, взять из библиотеки. Но я не могу назвать им книгу, из которой по крупицам черпаю истину и вдохновение, с которой сверяю свои мысли и обобщения. Не могу назвать эту книгу, потому что она одна-единственная: это есть Ваш неисчерпаемый и неразгаданный образ, который хранится во мне.

То и дело «листаю» ее живые страницы, и вовсе не потому, чтобы вспомнить прошлое, а для того, чтобы познать Вашу педагогическую мудрость.

Вот и страницы 1946–1947 учебного года, VIII класс.

Годы были сложные — послевоенные, сталинские.

Тогдашний учебник по литературе был наполнен произведениями, которые отвечали политическим идеологическим требованиям, требованиям партии. Даже в образцах древнегрузинской литературы нам — ученикам — показывали, как из прошлого выростала «мечта» наших предков о светлом будущем, которое принесли нам, всему человечеству, вожди революции.

Но почему Вы, дважды награжденная орденом Ленина, обошли молчанием эту идеологию? Да, мы, Ваши ученики, о чем-то догадывались, хотя не знали, насколько опасно отойти учителю литературы от программы. Не знали, но чувствовали: не надо болтать!

Теперь я знаю, что в нашем VIII классе в 1946–1947 учебном году происходило нечто действительно исключительное, следы которого отразились во мне тоже: они составляют основу моей духовной жизни.

Вы отложили в сторону и утвержденную программу, и утвержденный учебник литературы; велели нам найти поэму «Витязь в тигровой шкуре» великого Руставели, и в течение всего учебного года мы с упоением впитывали чистейшую мудрость о возвышенной любви, о всемогуществе дружбы, о рыцарских достоинствах, о счастье и преданности...

«Какую книгу вы больше всех любите?» — спросил однажды мальчик из четвертого класса. Я достал из кармана крохотное подарочное издание «Витязя в тигровой шкуре» и показал мальчику: «Вот эту».

Но почему именно она стала для меня любимой книгой, с которой не расстанусь никогда? Она сопровождает меня повсюду, где бы я ни бывал; я читаю и перечитываю давно заученные наизусть стихи, а на полях отмечаю, где я нахожусь, в какой стране, в каком городе, в каком селе, и что я там делаю. Как я понимаю сейчас, книга эта для грузин есть Пятое Евангелие. Если грузин пропитан ею, то нигде и никогда не ошибется в выборе жизненного пути, его не покинет благородство души. Вообразить только: ходят по улицам Мира люди, которые стали живым героями поэмы Руставели! Одним из таких, может быть, я и есть? И перед кем тогда преклонить мне свою седую голову в знак признательности? Перед Вами, любимый мой Учитель!

Вы, конечно, прекрасно знали, чем тогда рисковали: жизнью.

Что такое учительский подвиг?

Быть преданным своим ученикам и самому себе.

Быть преданным тогда, когда это опасно для учительской жизни, но когда жизнь учеников выпрямляется и облагораживается.

И когда сейчас, в наши дни, некий учитель скажет мне, что ему, видите ли, не позволено творить нечто новое и отходить от программы, не разрешит себе даже быть гуманным в общении с воспитанниками, мне становится грустно, очень грустно: нужен подвиг, а учитель боится совершить его, хотя вроде бы бояться уже не надо.

Почему трудно современному учителю прожить жизнь героем духа? Что, кто нам мешает быть героями? Не наша ли косность является помехой?

«Почитайте что-нибудь из этой книги!» — попросил меня тот же мальчик. Зачем из книги? Я ею живу. Слушай, мальчик, чему учит меня Учитель мой.

*Не задержат смерть теснины, ни скалистая вершина.
Храбрецов и малодушных перед ней равна судьбина.
Под конец юнцов и старых примет вечности долина.
Недостойной жизни лучше достославная кончина.*

Закон неповторимости

Любимый мой Учитель, Дейда Варо!

Какой вы неиссякаемый источник для моих педагогических размышлений! Но понял я это не сразу. В бытность учения в аспирантуре и в годы, когда защищал диссертации, я еще не знал, что имею собственного путеводителя в педагогике. В те времена науку я искал в библиотеках и однотипной практике школ. Искал узким зрением материалиста.

Можно ли так воспринимать педагогическую реальность? И, вообще, где источник возникновения этой действительности, кто ее творец?

Вас, милый мой Учитель, давно уже нет в живых, когда я с головой окунулся в экспериментальные поиски «объективных» педагогических закономерностей.

Ваш образ неожиданно посетил меня и вывел на Божий Свет. Вы подсказали мне: «Школа во мне, Учителе. И Педагогика тоже во мне, Учителе».

Открытие это сделало меня инакомыслящим, автором книг «Здравствуйте, дети!», «Школа Жизни», носителем педагогики сотрудничества, создателем гуманно-личностной педагогики, издателем «Антологии Гуманной Педагогики».

Нет ли в этих словах зазнайства и гордыни?

Нет.

В них гордость и ответственность, а не гордыня. В них Истина, которая ведет меня по пути служения Ребенку, а через него — обществу, человечеству, жизни, Вселенной, Богу.

Вокруг Вас, любимый мой Учитель, сияла Ваша, именно Ваша педагогическая аура. Она была пропитана Вашей внутренней мудростью. Это было Ваше образовательное поле, в котором действовала Ваша магическая и магнетическая сила, действовали Ваши законы.

Нам, ученикам, было очень хорошо в Вашем образовательном пространстве, оно было нашей обителью, нашей защитой, в нем мы жили, вдохновлялись, впитывали нравственные и духовные понятия.

Назову всех учителей блестящими, но ведь ясно, что каждый сверкает по-своему и создает вокруг себя субъективное образовательное поле. Получается, что педагогическая действительность — это внешнее единство субъективных пространств, которые не суммируются и не растворяются друг в друге, если на это не будет воля самих творцов-учителей.

Не поворачивается язык сказать — «плохой учитель». Но почему у иных учителей поворачивается язык сказать — «плохой ученик»? Мне, как ученику, было очень даже плохо в образовательных полях многих моих учителей, ибо не было в них жизни, понимания, взаимности. Но были одиночество и безнадежность.

Я поверил, что в педагогике, как в самой Жизни, есть только один закон — закон неповторимости учительской воли. Плоды этого закона — «Лабиринт сердца и рай души», «Лебединая песня», «Эмиль», «Педагогическая поэма», «Как любить ребенка», «Сердце отдаю детям».

Вот и живу, дорогой Учитель, сознанием, что школа и педагогика будут такими, какими сделают их мое сердце, мой разум, моя воля, какими сделают их субъективная воля тысяч моих коллег.

Учитель

Милый мой Человек, мой учитель Дейда Варо!

Из всех Ваших учеников сороковых годов прошлого века учителем стал я один.

А я стал учителем как бы против своей воли.

Я не любил эту профессию, потому что недолюбливал многих своих властных учителей. Но если все же смирился со своей участью, причиной тому был ваш божественный облик Учителя.

Потом, спустя десятилетия, я все больше понимал, что живу своей, именно своей судьбой, и что ничего в жизни не складывается случайно.

А в судьбу свою я влюбился. Постигал ее, а вместе с ней слово «Учитель» через Вас, и какие бы мысли не овладевали мной, проверял их на Вашем жизненном примере.

«Не все будете учителями, зная, что тем самым мы подвергнемся большему осуждению», — предупреждал Апостол Яков.

Но какая тайна заключена в слове «Учитель», и почему опасно быть учителем?

Не годится ни одно толкование, в котором учитель мыслится как передатчик знаний, «тот, кто преподает какой-либо учебный предмет в школе», да еще закрепляет, проверяет, контролирует. Такие толкования не стоят Вашей тени.

Но кто же тогда были вы, дорогой мой Учитель, чем вы одаривали меня и всех ваших учеников?

Учитель... учитель... УЧИТЕЛЬ... Учитель...

«Учитель — соратник у Бога...»

С каких только граней я не старался заглянуть в суть слова, которое, как убеждает меня моя внутренняя Истина, было в Начале.

Да, именно в Начале было слово Учитель, потому что там же, в Начале, был Ребенок, были Дети.

Слова хранят Божью Волю.

Божья Воля заключена в слове учитель.

Учитель...

Ясно, что сочетание звуков У и Ч в этом слове неслучайно.

А что, если У есть первый звук санскритского УРА, что означает СВЕТ, то есть высший, Божественный, и потому еще: Логос, Любовь, Мудрость, Жизнь, Знания? Это все проявление Света. Тогда Ч должно означать первый звук тоже санскритского Чела, то есть, Душа. И получится, что:

Учитель есть Душа, носитель Света.

Бог есть Свет, и носителем чего же должно быть Его чадо, Его соразработчик.

Может быть, я ошибся в своих догадках, но ошибки иногда могут быть прекрасными. А в данном случае моя догадка для меня есть Истина, потому что я могу понять, дорогой мой Учитель, Вашу сущность: Вы были носителем Света и соразработчиком у Бога.

Да, я полон Вашим Светом, Вашей Любовью. И хочу, стремлюсь умножить в себе Ваш Свет, и тоже стать Светом для других.